

В.П. МОСКВИН
Волгоград

Недостаточные глаголы в современной русской речи

В работе уточнены причины недостаточности глагольной парадигмы, охарактеризованы стилистически значимые сферы использования проблемных в культурно-речевом отношении форм недостаточных глаголов, проанализированы подходы к их определению.

Ключевые слова: *культура речи; недостаточные глаголы; дефектность парадигмы.*

Римский грамматик IV в. Сервий Донат определял недостаточные глаголы (*verba defectiva*) как «те, кои не полностью, т.е. не во всех лицах и наклонениях, поддаются спряжению; познается же сия недостаточность по отсутствию соответственных форм в живой речи, в словесном искусстве, а также у мастеров слова» [Ромреїі 1820: 305]. В русском языке к числу недостаточных относятся глаголы, вызывающие затруднения при образовании: 1) личных форм, а также форм императива: *внять, оновать, простереть*; 2) формы 1-го лица ед. ч. настоящего или будущего простого времени: *бузить, затмить*.

Общей особенностью недостаточных глаголов является то, что при спряжении они трансформируют свой звуковой облик. В греческих риториках такие трансформации именовались метаплазмами (т.е. переделками). В анализируемом случае обычно используются два метаплазма: 1) антистекон (замена звука): *бузить* — *бужу*; 2) эпентеза (вставка звука): *затмить* — *затмлю*. Ритор Гермоген из Тарса (160–230) не без основания трактовал формы типа *бужу* и *затмлю* как произведенные «через порчу» [Ἐρμογένους 1834: 1138].

Москвин Василий Павлович, доктор филол. наук, профессор Волгоградского гос. соц. пед. ун-та. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Причинами такой «порчи» словесной формы, ведущей к дефектности глагольной парадигмы, считаются: 1) омонимическое совпадение с формой более употребительного глагола: *бузить* и *будить* — *бужу*; 2) неблагозвучие: *затмить* — *затмлю* [Грамматика 1970: 412; Русская грамматика 1980: II, 661].

Однако все случаи дефектности к этим двум причинам свести едва ли возможно: так, приводимые в указанных двух грамматиках формы недостаточных глаголов *зужу* (от *зудеть*), *гужу* (от *гудеть*), *дужу* (от *дудеть*) и др. трудно признать неблагозвучными или омонимически совпадающими с формами каких-либо иных слов, т.е. двусмысленными, а значит, семантически аномальными; указание же на то, что недостаточность может быть и «следствием традиции», не обладает объяснительной силой. Отсюда пессимистический вывод о том, что подобные формы, «несмотря на то, что они не проявляют семантической, синтаксической, морфологической и фонологической аномальности», по каким-то причинам не употребляются, образуя «случайные лакуны» [Halle 1973: 8]. Между тем теоретическое, а значит, и методическое осмысление данной проблемы будет затруднено без выявления и уточнения всех причин недостаточности, а также без детальной их диф-

ференциации. По нашим наблюдениям, существует не две, а четыре причины глагольной недостаточности.

1. Неблагозвучие. Здесь следует различать: а) столкновение слогов: *ощутить* — *ощущу*; б) звуковую тавтологию: *обуржуазить* — *обуржуажу*; в) скопление согласных: *затмить* — *затмлю*. Британский филолог Алкуин (730–804), распространивший критерий недостаточности на словообразовательное гнездо, пишет, что «ежели захотим от слова *cursor* ‘бегун’ образовать имя сущ. жен. рода *curstrix* ‘бегунья’, то будет оно неблагозвучным» [Beati 1777: 287].

2. Омонимия. Уточним: причиной глагольной недостаточности является только такое омонимическое совпадение с формами других слов, которое вызывает тематически чуждые, т.е. паразитарные ассоциации: *держать* — *держу* (~ *держать*), *победить* — *побежу* (~ прост. *побежу* от *побежать*). Здесь следует различать: а) омофонию таких форм: *выродиться* — *вырожусь* (ср. *выражусь*); б) их омографию: *мутить* — *мучу́* (ср. *мучу* < *мучить*), по этой же причине от глагола *обрусить* «нельзя произвести формы *обрушу́*, *обрушён*» [Грот 1899: 839], ср. *обру́шу* (< *обрушить*). Алкуин отмечает, что в «случаях совпадения (т.е. омонимии. — В.М.) неупотребительность формы и по причине безобразия возникает» [Beati 1777: 287]: *сопеть* — *соплю*.

Омонимия форм не всегда приводит к дефектности парадигмы: так, глаголы *водить* и *возить* совпадают в форме 1-го лица ед. ч., однако недостаточными при этом не становятся (см.: [Грамматика 1970: 413; Halle 1973: 8]). Причина состоит в том, что эти глаголы тематически близки, поэтому форма *вожу* хотя и двусмысленна, тематически чуждых ассоциаций не вызывает.

3. Псевдомотивация — «установление подобия семантического родства между разными словами через звуковое их сближение» [Винокур 1959: 311–312]¹. На основе такого сближения также возникают паразитарные ассоциации: *окры-*

ситься — *окрышу́сь* (~ *крыша*), *обессмертить* — *обессмерчу́* (~ *смерч*) и др.

В качестве причин появления глагольной недостаточности называют «возможность паронимического и омонимического смешения» [Гурин 2000: 5]. Думается, что недостаточные глаголы никак не связаны с паронимами, т.е. лексемами одного словообразовательного или этимологического гнезда, подвергающимся регулярному смешению в речи (такими, например, как *командированный* и *командировочный*, *аппендикс* и *аппендицит*); омонимия же, как известно, является основой не «смешения», а двусмысленности (*бжу*~*бужить*? *будить*?). Глагольная недостаточность здесь связана не со смешением слов (т.е. номинативной недостаточностью, в частности паронимической ошибкой), а с феноменом ассоциативного заражения некоторых форм или отдельной формы слова на основе омонимии или близкозвучия.

4. Неясность. Формы, искаженные чередованием, могут не опознаваться как принадлежащие парадигме данного глагола, при этом чем менее употребителен глагол, чем короче форма, искаженная чередованием, тем менее ясной она становится: *бдеть* — *бжу*, *дудеть* — *дужу*, *рысить* — *рыщу*, *шкодить* — *шкожу*, *ерундить* — *ерунжу*, *парусить* — *парушу*. Основными признаками слова как языковой единицы считаются непроницаемость, недвуударность, «цельность и единоформленность», изолируемость, «постоянство звучания и значения» и др. [Шанский 2009: 85]. В анализируемом случае чередование приводит к утрате такого критериально важного признака слова, как постоянство звучания (ср. *бдить*, *бдит*, но *бжу*; *дудишь*, *дудит*, но *дужу*), именно поэтому слова типа *бжу* и *дужу* «настолько необычны для нашего слуха, что возникают сомнения в возможности использовать эти формы в речи» [Былинский, Розенталь 2011: 205]; ср.:

Сижу это я в пещерке, *бжу*... в смысле, *бдю*... Тьфу! Занимаюсь бдением? Как правильно? (Ю. Федотова).

Первая причина недостаточности связана с нарушением требования благозвучия, вторая и третья с нарушением однозначности, четвертая — ясности.

¹ Ср. в некоторых народных поверьях и приметах: *женился в мае* — *всю жизнь маяться будет*; *видеть во сне вино* — *быть обвиненным*, *груши* — *грусить*; *в апреле земля прееет* и др.

Если свести эти причины к одной, анализ утратит точность. Рассмотрим с данной точки зрения следующее определение недостаточных глаголов: «Глаголы, не имеющие формы 1-го лица единственного числа по причинам фонетическим (вследствие появления непривычных звуковых сочетаний). *Держать, дудеть, ерундить, затмить, окраситься, очутиться, победить, убедить, чудить, шкодить* и др.» [Розенталь, Теленкова 1985: 140]. Проблемные формы здесь двусмысленны (*держу, побежу, убежу*), неясны (*дужу, ерунжу, чужу, шкожу*), но лишены «непривычных звуковых сочетаний», т.е. благозвучны; форма же *окрашусь* непривычна, скорее, по семантическим, чем по фонетическим причинам.

Поскольку функционирование анализируемых форм в речи ограничено, иногда довольно жестко, со стороны требований благозвучия, однозначности и ясности, нередко можно встретить квалификацию этих форм как: 1) недопустимых: «Не говорят *убежу, очучусь, оцущу, побежу*» [Чешко 1990: 305]; 2) несуществующих: «Нет в узусе и таких форм, как *побужу* (от *победить*), *убежу* (от *убедить*), хотя в системе они, бесспорно, есть и потенциально выводимы по аналогии с такими во всех отношениях безупречными формами, как *награжу* (от *наградить*), *осажу* (от *осадить*)» [Апресян 2009: 547]. Вместе с тем факты говорят о том, что носители литературного языка регулярно нарушают указанные требования нарочито, в частности в языковой игре:

Ты чего ходишь, бузишь? – Кто, я *бужу*? [Санников 1999: 73]; Вы думаете, я *чужу*? <...> Я *обезложу* его королевство! (Кривин).

Говорящие пренебрегают данными требованиями как эстетически относительными, не вполне существенными; ср.:

Я гнев твой догоню и гордость *побежу*. (Дм. Кленовский); Я жизнь их не *обезопасу*. (В. Гете. Фауст, пер. Б. Пастернака).

Такое употребление характерно для разговорной речи, которая более всех иных стилей подчинена закону языковой экономии: «Грамматические формы у определенных лексем, запретные

для других стилей, в разговорном оказываются допустимыми (ср.: Я его *убежу*)» [Панов 2007: 50], а значит, годятся и для стилизации разговорной речи:

Хозяйка (*строго*): Я никогда не *ерунжу*. (А. Бонди); – А я тебе, чо, после армии *куролешу*? (Кожевников).

Довольно часто критерий благозвучия зависит от индивидуального эстетического чутья. Так, по мнению Л.А. Булаховского, форма *защущу* недопустима (см.: [Булаховский 1965: 229]), другие же относятся к ней терпимо: британскому исследователю глагольной недостаточности М. Бэрману данный критерий, за исключением случая «скопления согласных», представляется вовсе незначимым (см.: [Вагман 2008: 83]). Кроме того, следует принимать во внимание стиль: так, сложно представить себе форму *очучусь* в лирическом стихотворении, однако А.С. Пушкин в письме к Н.Н. Пушкиной ее употребляет:

Рифмы и стихи не дают мне покоя в кибитке. Что же будет, когда *очучусь* дома?

Многие из подобных форм фиксируются в словарях. Однако означает ли это, что данные формы не ограничены узусально? Думается, что нет. Отсюда:

1) колебания в нормативных оценках, ср.:

а) «*Пылесосить*, 1 л. ед. ч. не употр.» [Резниченко 2003: 856], но: *пылесосу* [Соловьев 2008: 617];

б) «*Угнездиться*, 1 л. не употр.», но: *угнездусь* [Еськова 2008: 359];

в) «*Внять*, буд. вр. не употр.» [Соловьев 2008: 111], но: *внять – воньмú* [Орлов 1884: 473] и *вонмú* [САР 1790: 959], *вбньми* [САР 1790: 959] и *вонми* [Исаченко 2003: 105]²;

г) формы *осную* и *оснуешь* признаются «несуществующими» [Гурин 2000: 4]; согласно же другой оценке не используется только форма императива: «*Основать(ся), осную(сь), оснуешь(ся), пов. не употр.*» [Резниченко 2003: 689];

² Ср.: *Всё я поведаю, Зевсу: быть может, вонмёт он моленью*. (Гомер. Илиада, пер. Н.И. Гнедича), с иным ударением: *И, угасающий, с улыбкою вонмет глас о нем рыдающих героев*. (Жуковский).

д) *обессмерчу* [Соловьев 2008: 409]; ср.: «Невозможны формы *обессмерчу*, *обессмерченный* от гл. *обессмертить*» [Грот 1899: 839];

е) «*Галдеть* 1 л. не употр.» [Соловьев 2008: 156], но: «*Галдеть... галжу*» [Преображенский 1910–1914: 117];

ж) *затмлю* [Русаков 2014: 42], но: «*Затмить*, 1 л. ед. ч. не употребляется» [Ушакова 2007: 192];

з) *обезлешу* [Глазунова 2013: 141]; форму *обезлешу* «следует признать нормальной» [Обнорский 1953: 114], но: «*Обезлестить*, 1 л. ед. не употр.» [Бояринова и др. 2011: I, 633], «невозможны формы *обезлешу*, *обезлешенный* от гл. *обезлестить*» [Грот 1899: 839];

и) «*Обезлюдить*, *обезлюжу*» [Бояринова и др. 2011 I: 633], но: «*Обезлюдить*, 1 л. не употр.» [Ушаков 2007: II, 628] и т.д.;

2) использование пометы «редко» при таких формах, например, как *обеззопашу*, *пылесосу*, *простру*, *прострешь*, *простри* и др.;

3) наблюдения следующего характера: «У синонимов *вынуждать*, *принуждать* и *понуждать* в узусе плохо представлена форма 1 л. ед. буд. сов. (т.е. *вынужу*, *принужу*, *понужу*)» [Апресян 2001: 23].

Очевидно то, что требования благозвучия, однозначности и ясности скорее ограничивают употребление подобных форм, чем ставят их под запрет; с этой точки зрения логично полагать, что недостаточные глаголы могут образовывать проблемные формы, хотя и нечасто.

Под действием указанных ограничений некоторые из ортологически сомнительных форм уходят в пассивный словарный запас, принимая архаичный характер. Тем не менее, как и любые другие архаизмы, они применяются:

1) при исторической стилизации:

Ехать мне в те края, на реке Орь город *осную*, руды сыскивать стану. (Пиккуль);

2) в высоком, торжественном стиле:

Твой взор и на меня всеместный / *Простри*,
о над царями царь! (Державин);

3) в религиозной, учительной речи:

Оснуй, утверди и украси домашнюю свою церковь. (Митрополит Платон); Почему же

никак не *вонмем* мы, жадные, этой простой проповеди? (Солженицын);

4) в шутливо-иронической, бурлескной речи:

Придумано было классом, что я в книге о державинской поэзии к последней строке «Фелицы» «И лицемерьем наслажусь» пририсую рифмующуюся к ней строчку «И табакеркой *награждусь*». (Л.О. Пастернак).

Поскольку сомнительные формы с чередованием существуют, причем и в системе языка, и в узусе, недостаточные глаголы целесообразно определить не как не имеющие некоторых личных форм [Дружинина 1962: 13–14; Розенталь, Теленкова 1985: 140], а как вызывающие затруднения при их образовании. Первая трактовка предполагает, что в парадигмах этих глаголов имеются «пустые клетки», «пробелы» [Carstairs 2001: 133; Ваerman 2008: 81], что не соответствует действительности языка, вторая — что данные формы существуют, но «избегаются в употреблении» [Русская грамматика 1980: I, 660].

Ввиду того что чередование зачастую искажает форму, насыщая ее паразитарными ассоциациями, делая неблагозвучной либо неясной, т.е. коммуникативно неприемлемой, практикуется два типа замен таких форм.

1. Литературная замена:
а) синонимами: *бжу* — *бодрствую*, *побежу* — *выиграю*; б) перифразами: *джу* — *играю на дудке*, *пылесосу* — *делаю уборку*. А.А. Миртов советует: «Вместо *побежу* говорят: *одержу победу*; *он будет побежден*; *победа будет за мной (моя)*» [Миртов 1961: 15]. Однако такие замены нередко бывают «слишком книжны, не годятся для непринужденной бытовой речи (и могут в ней употребляться только шутливо)» [Панов 2007: 18].

2. Нелитературная замена вариантами без чередования, которая, впрочем, встречается даже в речи авторитетных носителей языка:

А он меня головой толк да толк в спину, и я *очутось* на ковре. (В. Одоевский); Я *клею* позором ненужные жестокости. (Семенов); *Дубасю* кулаками по закоркам. (И. Сельвинский); По ним и совесть в себе *ощутю* (не хочется палатализовать слово — в «ощущу»). (Г. Гачев).

Вместе с тем формы без чередования асистемны, т.е. вступают в конфликт с грамматической системой языка, поскольку в форме 1-го лица ед. числа должно иметь место чередование (с/ш, т/ч, д/ж и др.), отсюда фиксация их как неправильных: «Обезлесю (от *обезлесить*) — <правильно> *обезлешу*» [Долопчев 1909: 153], «Затмлю (неправильно *затмю*)» [Горбачевич 2009: 108]. Ср.: «Правда, не терпимо в сих глаголах и правильное производство: *бжу, дужу, чужусь, ощущу*, но все это не дает права вводить неслыханные: *бдю, дудю*» [Павский 1850: 224]. Асистемные варианты характерны для нелитературных форм языка, где норма не препятствует действию закона аналогии, восстанавливающей единство звучания слова: *дудить, дудит* → *дудю*. В литературном языке такие варианты активно используются при стилизации:

1) просторечия:

Я *дудю*, значит, а он, козел, ничего не слышит. Вот теперь сам считай. Лобовик — штука, крыло — семь сотен. Что делать, Игорек? Где взять такие бабки? (Прашкевич);

2) детской речи:

— Я их *пронзю* шпагой! — закричал деревянный человечек Буратино. (К. Булычев).

Эти же формы характерны и для речи героев детской литературы:

— *Висю*, — отвечала старуха. — Уже два часа. (Э. Успенский); *Победю* я жару и мороз, /Лишь бы медом был вымазан нос! (Милн. Винни пух... Пересказ Б. Заходера).

Еще римский ритор Квинтилиан указал на то, что «ошибка становится фигурой, если она не случайна, а преднамеренна», и «сколько есть фигур, столько же есть ошибок» [Quintiliani 1854: 111, 112]. Тактика нарочитой неправильности используется как прием:

1) речевой характеристики персонажа:

— А-а-а, все понятно, — скривил он губы в усмешке. — Испугались, что я *затмю* всех этих писак! Или не *затмю*? (С. Тарасов);

2) языковой игры:

— Сил моих нет! Я *китю*, *бесюсь* и *туплею*! (Емец).

Иногда асистемные формы приобретают статус стилистически нейтральных и литературных: *слать* — *иллю*, анало-

гично: *мыслить* — устар. *мышлю*, но совр. *мыслю*:

Я «Телеграфом» очень доволен — и *мышлю* или *мыслю* поддержать его. (Пушкин);

погрузиться — *погружусь, погруженный*; аналогично *пронзить* — *пронжу, пронженный*; ср.:

Там, в доме, был русский, кинжалом *пронженный* / И женщины труп под окном. (Лермонтов).

Вспомним, однако: *Паду ли я стрелой пронзенный?* Причастие *пронзенный* «косвенно свидетельствует о 1 л. ед. *пронзю*» [Бернштейн 1974: 107].

Оценки системного варианта *пронженный* были различны. В начале XX в.:

а) одобрительная: «Так как мы теперь спрягаем *вонзить, пронзить* так же, как *занозить: вонжу, пронжу, занозу*, то в нашем языке вполне естественны и связанные с этими формами причастия: *вонжённый, пронжённый*» [Чернышев 1915: 321];

б) ограничительная: «*Пронзить, пронзенный* и *пронженный* (реже)» [Долопчев 1909: 151]. В толковых словарях советского и постсоветского периодов устарелый вариант *пронженный* не фиксируется, победила асистемная форма.

Этот же путь в литературный язык прошла и асистемная форма *обезопасенный*, ср.: «*Обезопасить, обезопасу* (неправильно *обезопасю*)», но: «*Обезопасенный* и *обезопасенный*» [Горбачевич 2009: 203]. Как видим, «древность и безобразная речения благообразными делает» [Сумароков 1787: 14].

Глаголы с асистемными формами (*встретюсь, гордюсь* и др.), возникшими по закону аналогии (ср.: *встретишься, гордишься*), нельзя отождествлять с недостаточными. Если системные формы таких глаголов (*встречусь, горжусь*) не вступают в конфликт с требованиями благозвучия, однозначности и ясности, то к числу недостаточных они не относятся. Недооценка данных критериев закономерно приводит к выводу о том, что «взаимосвязь между типом без чередования и недостаточностью остается неясной» [Вагман 2008: 92].

Проанализируем некоторые спорные трактовки недостаточных глаголов.

1. Определение их как «не имеющих 1-го лица в ед. ч.» [Дружинина 1962: 13–14; Розенталь, Теленкова 1985: 140] принять трудно, поскольку недостаточность может охватывать и другие формы. Не вполне точна и трактовка недостаточности как «отсутствия некоторых грамматических форм, характерных для единиц данного класса» [Trask 2003: 74], так как дефектность парадигмы может быть ограничена одной формой; иными словами, недостаточность может быть не только регулярной, но и «точечной» [Гурин 2000]. С этой точки зрения более приемлема трактовка недостаточных глаголов как таких, «от которых употребляются лишь некоторые формы» [Покровская 2013: 117].

2. Вяч.Вс. Иванов относит к числу недостаточных глаголы, использующие одну и ту же форму в ряде значений, например «во всех временах» [Иванов 2009: 166], т.е. глаголы с многозначными формами, явно отождествляя феномены недостаточности и грамматической полисемии. С этой позиции к числу недостаточных пришлось бы отнести глагол *атаковать*, так как его формы (*атакую* и др.) используются в значениях настоящего и будущего времени.

3. В некоторых случаях не вполне четко различают недостаточность и супплетивизм, например: «Недостаточные глаголы суть те, в коих недостающие времена и наклонения происходят совершенно от другого начала», ср.: *идти, иду*, но: *шел, шедший* [Пенинский 1837: 104]. В таком случае пришлось бы признать недостаточным глагол *быть* на том основании, что «он не имеет формы настоящего времени несовершенного вида» [Franks 1995: 309]; ср.: *быть, буду* и *есть*, устар. *есмь*. Традиция отождествления недостаточности и супплетивизма длительна: так, римский филолог Кассиодор (ок. 487–578) именует прилагательные *bonus* ‘хороший’ и *malus* ‘плохой’ «дефектными», поскольку они обладают супплетивными формами сравнительной степени *melior* ‘лучше’ и *pejor* ‘хуже’ [Magni 1679: 595]. Сомнительная форма недостаточного глагола действительно может быть замещена более благополучной формой из парадигмы

синонимичного ему глагола. Так, глагол *читать* «по образцу *катить, качу* должен иметь первое лицо *ччу*; но так как это неудобно для произношения, то он лишается первого лица, и в случае нужды заимствует первое лицо от других однозначных глаголов: *честь, почитать*, и вм. *ччу* допускает *чту, почитаю*» [Павский 1850: 225]. Однако формы *читать* и *почитаю* или *победить* и *выиграю* нельзя считать супплетивными, поскольку, в отличие от форм *я* и *меня*, *быть* и *есть*, они не являются формами одного слова. Такие «заимствуемые у ближайшего синонима грамматические формы» логично трактовать как «несобственные» [Апресян и др. 2010: 69], а не как супплетивные или «частично супплетивные» [Евгеньева 1972: 8].

4. К числу недостаточных Сервий Донат отнес и те глаголы, которые «не имеют причастных форм», «одного из времен или императива», а также «безличные глаголы» [Ромреї 1820: 268, 302, 371]. Этот подход лег в основу длительной традиции. Ср.: «Недостаточными глаголами называются такие, у которых чего-нибудь не достает: либо одного из залогов, либо одного из видов, либо одного из наклонений, либо лиц и т.д.» [Яухци 1844: 63]. И.И. Давыдов отнес к разряду недостаточных «глаголы, не имеющие какого-либо из двух видов — неопределенно-краткого или однократного»: а) *очнуться, хлынуть, молвить* («не имеют первого вида»); б) *обожать, ожидать, опасаться* («лишены второго вида») [Давыдов 1852: 99]. Ю.С. Маслов считает недостаточными глаголы *потанцевать, поплясать*, которые «не имеют форм несовершенного вида», а также «*лежать, спать, существовать, голодать, любить*», которые «не имеют форм совершенного вида» [Маслов 2004: 411]. Здесь, видимо, следует прислушаться к мнению Г.П. Павского: «Но несправедливо было бы, если бы глаголы среднего залога мы поставили также в число недостаточных за то, что они не имеют страдательного залога. Глаголов однократных нельзя назвать недостаточными за то, что они не имеют настоящего времени и причастия. То же должно разуметь и о прочих глагольных при-

надлежастью (курсив наш. – В.М.)» [Павский 1850: 224]. К разряду недостаточных причисляют и глаголы (*усыхать, закипать* и др.), от которых трудно образовать формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа по семантическим причинам. Однако при метафоризации, например «в шутливой речи в ответ на замечание о том, что собеседник похудел, он может сказать: “Усыхаю”. Рассказывая о себе, неуравновешенный человек замечает: “Когда я закипаю, то все умолкают”» [Дружинина 1962: 8; Грамматика 1970: 413], поэтому с точки зрения ортологии и теории нормы представляется оправданной позиция тех ученых, которые исключают из сферы своего внимания семантически мотивированную недостаточность.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. – М., 2009. – Т. 1.

Апресян Ю.Д. Глагол *заставлять*: семантический класс, синонимия, многозначность // Жизнь языка. – М., 2001.

Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю. и др. Проспект активного словаря русского языка. – М., 2010.

Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. – М., 1974.

Бояринова Л.З., Тихонова Е.Н., Трубаева М.Н. Большой грамматический словарь. – М., 2011.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Киев, 1965.

Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование. – М., 2011.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.

Глазунова О.И. Русский язык и культура речи. – М., 2013.

Горбачевич К.С. Современный орфоэпический словарь русского языка. – М., 2009.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976.

Грот Я.К. Филологические разыскания. – СПб., 1899.

Гурин Г.Б. Глаголы с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке: На материале словарей: Дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2000.

Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. – СПб., 1852.

Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. – Варшава, 1909.

Дружинина А.Ф. Глаголы, не имеющие форм 1-го лица ед. ч. // РЯШ. – 1962. – № 4.

Евгеньева А.П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. – Л., 1972.

Еськова Н.А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. – М., 2008.

Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М., 2009. – Т. 6.

Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М., 2004.

Миртов А.В. Говори правильно. – Горький, 1961.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. – М., 1953.

Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. – СПб., 1850.

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. – М., 2007. – Т. 2.

Пенинский И.С. Грамматика славянская. – СПб., 1837.

Покровская З.А. Недостаточные глаголы // Учебник латинского языка. – М., 2013.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1910–1914.

Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка. – М., 2003.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.

Русakov П.А. Универсальный справочник русского языка. – М., 2014.

Русская грамматика: В 2 т. – М., 1980.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.

Словарь Академии Российской. – СПб., 1790. – Ч. II.

Соловьев Н.В. Словарь правильной русской речи. – М., 2008.

Сумароков А.П. О правописании // Полн. собр. всех соч. – М., 1787.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2007.

Ушакова С.А. Словарь трудностей русского языка для школьников. – М., 2007.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики: 2-е изд. – Вып. 1: Фонетика – СПб., 1914; Вып. 2: Части речи. – Петроград, 1915.

Чешко Л.А. Русский язык. – М., 1990.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., 2009.

Яухци К. Рассмотрение господствующих систем в спряжениях русских глаголов. – Дерпт, 1844.

Ваегман М. Historical observations on defectiveness // Russian Linguistics – Vol. 32. – 2008. – № 1.

Beati Flacci Albinii seu Alcuini Opera. / Typ. monaster. J. Emmeram., 1777. – Т. II.

Carstairs-McCarthy A. Some implications of phonologically conditioned suppletion // Phonologi. Critical concepts in Linguistics. – London, 2001. – Vol. 5.

Franks S. Parameters of Slavic morpho-syntax. – Oxford Univ. Press, 1995.

Halle M. Prolegomena to a Theory of Word Formation // Linguistic Inquiry. – 1973. – Vol. 4. – № 1.

Ἐρμογένους Περί μεθόδου δεινότητος // Rhetores graeci / Ed. C. Walz. Vol. 7. – Stuttgartiae, 1834.

Magni Aurelii Cassiodori senatoris Opera omnia in duos Tomos. – Rotomagi, 1679. – Т. 2.

Pompeii Commentum Artis Donti / Ed. F. Lindemann. – Lipsiae, 1820.

Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. – Lipsiae, 1854. – Vol. II.

Trask R.L. A dictionary of Grammatical Terms in Linguistics. – London, 2003.

Н.А. НИКОЛИНА | Способы выражения количественной приблизительности в русском языке

Москва

В статье описываются способы выражения приблизительности (аппроксимативности) в современном русском языке, выделяются ее лексические и синтаксические показатели.

Ключевые слова: *аппроксимативность; количественная приблизительность; предложно-падежные формы со значением приблизительности; инверсия; сочиненные группы; нечеткая номинация.*

Количественность в языке включает несколько микрополей, среди которых выделяется микрополе приблизительного количества, противопоставляемого количеству точному. Количественная приблизительность, или аппроксимативность (ср.: лат. *approximare* ‘приближаться’), выражается различными языковыми средствами и относится «одинаково как к пространству, так и к времени» [Бодуэн де Куртэнэ 1963: 313].

Аппроксимативность служит проявлением распространенной в языке нечеткой номинации, которая наблюдается в тех случаях, когда точное название предмета, места и времени, меры признака является невозможным, нежелательным или неуместным. Наиболее последовательно выражается в языке количественная приблизительность.

«Приблизительное количество – явление синкретичное по своей природе. Оно обозначает неопределенное множество с указанием определенных количественных границ отсчета этого множества... Следовательно, приблизительное множество объединяет в своей семантике и признаки

*Николина Наталья Анатольевна, кандидат филол. наук, профессор МПГУ.
E-mail: admin@riash.ru*